

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-227-236>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Е. А. Балашова

г. Калуга, Россия

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ БЛОКАДНОЙ ЖИЗНИ» В ЛИРИКЕ ГЛЕБА СЕМЕНОВА

Аннотация: Цель статьи — показать, как Г. Семенову удалось обновить проблематику военной лирики: он уходит от хроники, но при этом его тексты позволяют воссоздать каждодневные будни жителей Ленинграда. Автором проанализирован корпус текстов военной тематики Г. Семенова, написанных с 1941 по 1960 гг. Основное содержание исследования составляет анализ цикла «Воспоминания о блокаде». Поэт останавливается на важных вехах жизни города и жизни несчастного человека, чьи настроения быстро сменяются от страха и оцепенения («Тишина») до проступающих животных чувств голодающего («Подвиг», «Бессмертие»). Свою историю блокадного плена поэт увидит законченной не тогда, когда об этом сообщат по радио, в сводках, а когда можно будет вернуться в мирный, оживший после блокады Ленинград. По итогам исследования автором сделан вывод об особенностях поэтики данного цикла: об отказе от датировки, интертекстуальности, многосоставности «подробностей», символичности. Проведенное на основе историко-генетического и сравнительно-исторического подхода исследование опирается на концепции, методики и результаты современного стиховедения, прежде всего М. Л. Гаспарова и его школы.

Ключевые слова: лирика XX в, поэзия военных лет, блокада, Ленинград, Г. Семенов.

Информация об авторе: Елена Анатольевна Балашова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, пер. Воскресенский, д. 4, 248000 г. Калуга, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2603-4239>. E-mail: balashova_ea@mail.ru

Дата поступления статьи: 26.08.2019

Дата публикации: 28.03.2021

Для цитирования: Балашова Е. А. «Энциклопедия блокадной жизни» в лирике Глеба Семенова // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 227–236. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-227-236>

Глеб Семенов, рожденный в 1918 г., фронтовиком не стал (по состоянию здоровья) и, как следствие, выпал из своего фронтового поколения. Всю свою жизнь тяжело переживал из-за своей «непризванности»:

Я — тыловая крыса.
«Люди — они на фронте,

а этот — в своей постели
спит со своей женой...»
Бабы глаза ей колют.
Скажет она: «Не троньте!»
Заплачет она: «Неправда,
он у меня больной!» ...

...Весь день над столом сутулюсь,
а ночью — одно и то же
снится:

 перед сержантом
встаю, как на пьедестал:
«Есть прикрыть отступление! — »
и сонный восторг по коже...
Снится, что стал я годным,
хоть на смерть

 да годным стал!

[3, с. 121]

Глеб Семенов воспитывался отчимом Сергеем Александровичем Семеновым, писателем 1920-х гг., известным тем, что вытаскивал из петли С. Есенина (подробнее см.: [2]), а позже был директором заповедника Михайловское — Тригорское — Святые горы, кстати, ушедшим добровольцем на фронт в 1941 г. С. А. Семенов прославился как автор повести «Голод». Это был «талантливейший и правдивейший рассказ о первой, еще петроградской блокаде 1920–1921 гг.» [2, с. 8]. Его пасынку суждено было рассказать в стихах о новой блокаде (8 сентября 1941 – 27 января 1944).

«Воспоминания о блокаде» — так называется книга стихов Г. Семенова, под которой стоит особая дата написания — с разницей почти в 20 лет: 1941–1960 гг. В истории известен пример еще одного блокадника, который обратился к старым записям спустя двадцать лет — Л. Я. Гинзбург¹. «Воспоминания о блокаде» — более позднее осмысление событий зрелым сознанием, когда вся былая боль улеглась, отстоялась в думу. Книга Семенова пролежала почти 20 лет в черновых тетрадах. Удивительно, что некоторые из стихотворений увидели свет в 1960-х гг. Казалось, идеология даже во времена оттепели не должна была бы одобрить его стихотворение «Марши». «Город маршами загажен»: интеллигенту понятен порыв юности легко, безрассудно идти на жертву², но ему трудно смириться с тем, что политикой государства стало одобрение добровольчества совсем юных. Марши одурманили неподготовленных людей, не умеющих сражаться, но записавшихся в добровольцы, чтобы «стать землей России». Подобранные контекстные антонимы, многое проясняющие в этой ситуации:

¹ Это пример Е. Кумпан: «Такое совпадение приводит на мысль, что двадцать лет — как раз та дистанция, в необходимости которой нуждается блокадный человек, чтобы... в какой-то степени отстраненно вновь взглянуть в эту страшную бездну» [3, с. 20].

² Александр Одоевский в истории запомнился своей восторженной фразой, сказанной накануне восстания 1825 г.: «Умрем, ах, как славно мы умрем!». И мы не стали бы утверждать, что когда-то сказанные слова возвращаются в новую эпоху — они в крови! Тот же пафос идеализма и романтики, воодушевления и патриотизма.

Есть *солдаты* у Германии –
У России есть *герои*!
[3, с. 90]
(курсив наш. — Е. Б.)³

Открывает «Воспоминания о блокаде» стихотворение «Декларация». Именно с ним перекликаются вышеназванные «Марши», когда поэт заявляет о своем отказе быть идеологом военного времени:

Не летописец, а тем паче
Не агитатор, не трубач, —
Я не унижусь до задачи
Стоять на уровне задач.
[3, с. 89]

«Не летописец» — это важно, поскольку действительно реализуется заявленный отказ от хроники. Скажем, такие важные этапы, как прорыв блокадного кольца в 1943 г. и окончательное снятие блокады в 1944 г., не найдут отражения в лирике, как и вообще любые даты, официальные сводки и подробные описания событий. Семенов пишет историю, опуская кульминацию. От гордой декларации («Я не...») поэт переходит к миражным формулам авторского самоуничужения: «Кто я такой, кто дал мне право...» или «Да не возвышусь я вовеки!» — и даже свою распространенную фамилию «Семенов» мысленно (за рамками текста) ставит в ряд нарицательных «ивановых» и «петровых». На самом деле этот мотив мнимый: даже такое «я» маленького человека, попавшего в водоворот истории, — это все-таки «я». «Я весь живой, я весь подробный» — вот что декларируется в следующей строфе. И все — живые, и всех объединяет многосоставность «подробностей», поэтому последняя строфа заменяет «я» на «мы». Люди, оказавшись в кольце блокады, равны. Личностное будет прорываться, но тут же и заканчиваться: в блокадном плену каждому символично выделен отсек личного пространства, как камера заключенного, — ромб, получившийся от скрестившихся проекторов.

Глеб Семенов останавливается на важных вехах не города, а жизни несчастного человека, чьи настроения быстро сменяются от страха и оцепенения («Тишина») до проступающих животных чувств голодающего («Подвиг», «Бессмертие»):

...Может, завтра и я на ходу
упаду —
не дойду
до того поворота.
Пропадающий хлеб мой имея в виду
(с чем сравнима такая забота!)
вынет теплые карточки кто-то,
не взглянув на меня свысока.
Будет липкой от пота
рука
добряка.

³ Эта мысль не оставляет поэта и дальше. В стихотворении «Ополчение» эпиграфом взяты строки Марины Цветаевой: «Добровольчество — добрая воля к смерти».

И медаль через годы,
светла и легка,
усмехнется с его пиджака!
[3, с. 113]

Сначала проводить жену с дочкой в эвакуацию («Тишина»), потом стать свидетелем того, как сжигают казенные бумаги («Пепел»), как проспекты становятся корочке из-за баррикад. Самому строить баррикады и угадывать место, где лучше лечь с винтовкой, а где — с гранатой («Баррикада»). Готовить бутылки с горючим, выбирать между зажигалками и фугасками («Выбор»), запаивать запалы всю ночь, наблюдать за разбомбленными домами, ходить в гости, охотиться за кошками, спать ложиться не раздеваясь («Сверлящий сердце вой сирены...»)⁴. Это энциклопедия блокадной жизни. Больше — энциклопедия чувств страдающего в блокаде человека. А поскольку страдает поэт, его скорбь и погребальный мотив ищут опоры в классике. Фетовская сияющая ночь становится насмешкой:

Остерегайтесь, граждане, луны!
Недаром брешут на луну зенитки.
Луною город вымочен до нитки.
В луне по горло, улицы страшны...
...А помните: луной был полон сад...
луна плывет как лебедь... — или это
тысячелетие тому назад?
[3, с. 98]

Лермонтовское стихотворение «Ангел» оборачивается обратной перспективой: не на землю — в небо несет ангел душу, и не одну:

И вот — на каком-нибудь фланге
Серо от распластанных тел.
По небу полуночи ангел
Летел, и летел, и летел.
[3, с. 97]

В последней строке задано страшное ожидание нескончаемой «работы» ангела из-за динамического повтора глагола. Внутри блокадного кольца остались люди, в подавляющем большинстве не военные, к условиям полного окружения не подготовленные и выживанию в таковых условиях не обученные. Перед войной «в Ленинграде жили 3 миллиона 200 тысяч человек. На январь 1942 года (а Г. Семенов эвакуирован в 1942 г. — прим. наше. — Е. Б.) население Ленинграда сократилось до 2383853 человек» [4].

⁴ «Как шагнуть и не оступиться, / Не наткнуться на темноту? / Затемнение — как темница: / Рвись, доказывай правоту! / Сгустки тьмы на ногах по пуду. / Не ракетчик, не лиходея, / Если выживу — добрым буду — / Безо всяких таких идей. / Если выживу!.. А сегодня, / Веком вышколенный не зря, / Сам пырну я кого угодно / Узким лезвием фонаря» («Затемнение» [3, с. 102]) — блокадники помнят, что ночной патруль имел право расстреливать подозрительных — не имеющих ночных пропусков либо застигнутых за подачей световых сигналов врагу... Подробнее см.: [1].

Каждому «отводилось» по «ромбу» — каждому отводится по нимбу. Пленные — святые страдальцы, мученики. Ни победой, ни прорывом, как было сказано, Семенов не заканчивает свою книгу, потому что никакое героическое не изменит, не перекроет трагического. Он рассказал свою историю — историю блокадного плена, выход из которого только в небо — в метафорическом плане:

Через толщу затемнения
мир забрезжил голубой.
Нимб дыхания сгущенного
встал над каждой головой («Концерт»)⁵.

Последнее стихотворение цикла, откуда взяты эти строки, отсылает к пятому стихотворению под названием «Небо». «Такое большое небо, / что большего и не просим,.. / что мы ничего не значим / со своею своею тоскою...», — именно это огромное небо, хрестоматийно набившее оскомину по школьной программе, знакомившей с Л. Толстым, именно оно открывает свой простор не философии и поискам смысла жизни — оно открывает свой простор смерти.

К концу цикла настроения совсем мрачные. Восемь мертвых дворников, которые не удостоятся креста, — констатация ставших привычными ситуаций. И вовсе не цинизм заниматься вот такой арифметикой:

Закапывать без креста
трое
везли
двоих.
Дорога была проста.
И совесть была чиста.
И солнце любило их. —
А с Кировского моста
двое
свезли
троих.

[3, с. 111]

Возможно, Семенов пытался смягчить ситуацию, рассказав о «Концерте». Но «закруглением» цикла можно считать не это стихотворение, сюжетно последнее, а стихотворение «Мечта», написанное за рамками «Воспоминаний о блокаде», вошедшее в сборник «Случайный дом», который создавался в годы войны — 1942–1944. И если

⁵ В своих воспоминаниях о Глебе Семенове и Н. Королева, и Е. Кумпан утверждают, что этот концерт происходил в Ленинградской филармонии. Похоже, что строки о концерте написаны до эвакуации 1942 г., поскольку позже филармония все же была эвакуирована: «В Свердловск и Челябинск выехали НИИ, лаборатории, проектные и исследовательские организации, все заводы. В Пермь переведены Театр оперы и балета им. Кирова (Мариинский) и хореографическое училище. В Ташкент — Ленинградская консерватория, в Новосибирск — Пушкинский драматический (Александринский) и Ленинградская филармония. Малый оперный — в Оренбург, Большой драматический театр им. Горького (ныне Товстоногова) и Академическая капелла — в Киров (Вятку). В городе остались и всю блокаду работали Театр комедии (сейчас им. Акимова) и Театр музыкальной комедии» (см.: [4]). Семенов был эвакуирован в село Шабуничи под Пермью.

иметь в виду, что работа над «Воспоминаниями...» не оставляла поэта в эти годы, можно констатировать, что свою историю блокадного плена он увидит законченной не тогда, когда об этом сообщат по радио, в сводках, а когда станет спокойно на душе. А это случится, когда можно будет вернуться в мирный, оживший Ленинград. К сожалению, это «завершение» цикла (уехали из Ленинграда — вернулись домой) мнимое, поскольку оно только представляется (и название у стихотворения «Мечта»). Какими неожиданными кажутся самые простые вещи:

Кран с опаской повернем,
Обомлеем, что закапал...
Потеряем всякий стыд,
И — воистину мажорный —
О победе возвестит
Водопада шум в уборной.
[3, с. 132]

Глеб Семенов занимает свою нишу в военной поэзии не только рассказом о блокаднике. Он рассказал о жизни тыловика и эвакуированного человека, хорошо понимая из собственной жизни, что такое чемоданное настроение. Этому, как было сказано выше, посвящен цикл «Случайный дом». Если находящийся в тылу врага терпит физические и нравственные мучения, то у эвакуированного добавляется еще и трагедия расставания с родиной. Не случайно существующий термин «выковырянный», сказанный об эвакуированных, относился прежде всего к тем, кого эвакуировали насильно: инвалидов и стариков, решивших доживать дома; детей, которые ждали родителей и боялись с ними разминуться; родственников, не желающих находиться вдали от родных могил.

Легкость безвоенного быта вдали от блокады — иллюзия. Непрерывный, каждодневный каторжный труд, и холод, и голод, и грязь, и вши, и хронический недосып, и болезни, и многие другие лишения. И ко всем ним добавляется особая совесть — психология интеллигента, боящегося стеснить, попросить, «объесть»: «Не мои односельчане, / не мои однополчане / пьют и воют вдалеке!».

Эвакуированные не отгораживаются своим «неулыбчивым уютом» [3, с. 115], не живут особняком: они вместе сочувствуют горю («Бутылка молока» [3, с. 134]), вместе радуются возвращению сельчан с фронта («У госпиталя» [3, с. 142], «Герой» [3, с. 142], «По одному приходят, по двое...» [3, с. 143]). И тем не менее навсегда остается привкус ненужности, чуждости, непричастности.

Возникший ранее образ желтого «ромба» из скрещенных лучей прожекторов ассоциативно связывается с образом ромба («бубнового туза») на спинах заключенных:

Это точно — я блокадник,
А еще точнее — колодник...
(«Лужи, тают облака в них...»)
[3, с. 116]

Убивают угрызения совести: пусть вынужденно, но он ворует у своих, за что и наказывает себя, «заставляя» собственный конвой памяти надевать на себя колодки.

Семеновым пишется история эвакуированного, строящаяся на деталях и особенностях менталитета русского человека:

До самой большой беды —
до чужого дома дожили!
Для нас не хватает воды,
и ведра с трудом одолжены.
Про нас говорят: «жиды»,
и мы принимаем как должное.

Не сеем хлеба, не жнем —
других объедать приехали!
И нас попрекают своим трудовнем
и всеми своими прорехами.

Никак не могут уснуть:
не все ли нами променяно?
И вдруг — на праздник какой-нибудь —
Возьмут угостят пельменями...
[3, с. 123]⁶

Эта повседневная бытовая рефлексия съела в нем ощущение себя как поэта. «Не торопясь, он выстрелил в меня...» — стихотворение, в котором нет врага внешнего, да и стреляет — луч. Собственно, заявленной ситуации с выстрелом как таковой здесь нет. Гуляя в лесу, лирический герой оказывается на возвышении и поэтому открытым последним лучам солнца. Под ним — темные жуткие существа воображенья, готовые его уничтожить. Метафорически страсти, страхи, ущербность своего положения и отсутствие гордости заставили его ступить в обычный мир, сойдя с пьедестала царственного положения поэта:

И гадко стало мне. И отстраня
ближайший куст, я в заросли устало
шагнул и затаился возле пня...

Так и стою — сошедший с пьедестала...
[3, с. 150]

Возможно, отсюда, когда перестаешь осознавать себя поэтом, устойчивый мотив бессловесности: сам молчит, в глубоком молчании идут составы, люди молчат. Остается плач, вой и песня, поколениями, соборно вынашивающая: а о чем говорить, если война?

В любом цикле важна связанность и порядок входящих в него стихотворений. При этом именно война диктует отбор фактов. Не совсем понятное стихотворение «Сорока» становится ясным, когда видишь идущее следом стихотворение «Дезертир». Герой стихотворения — рубящий в лесу хворост человек. Но сорока на хвосте принесла, что увечье, которое он получил, не было случайным:

⁶ Героиней одноименного стихотворения является Ревекка Моисеевна [3, с. 124], с которой все ладят, которую «никто не ненавидит», но которую все оставляют в «подозрении» нехорошего, потому что она еврейка. Скорее, автору нужен этот образ не для того, чтобы усилить мотив осуждения на скитание («вечный жид») и вечное презрение со стороны людей. По отношению к себе это читается как страх и потери родины, и того, как встретят свои. Здесь, думаем, сильнее выпячено описание особенностей менталитета русских и «менталитета» хозяев.

Мол, матюгнулся человек.
Перекурить присел на снег.
Проверил, острый ли топор.
На свежий пень взглянул в упор.
Ногой окурок притушил.
Два пальца с краю приложил...
[3, с. 129]

И еще один мотив становится значимым для Семенова — страдание, причиняемое невозможностью забыть свое тело, уязвленность телом! Да, поэт не забывает о теле как о физической оболочке («Тело» [3, с. 110]), которой вверено не выронить душу. Но больше его волнует зрелость, «сок», плоть, которая вся есть жизнь («Девочки» [3, с. 91]) и которая, не востребованная, засохнет («Сухопляс» [3, с. 141]). Эта мысль воплотится в одном из сильнейших по тоскливости стихотворений Глеба Семенова «За соседним столиком». Важно, что написано оно было позже, входит в цикл «Покуда живы...» (1952–1956), но не лишено ассоциативного ряда двух других, ранее упоминавшихся нами циклов. Вот одна из миллионов исковерканных женских судеб:

Красивая, с тяжелой головой, —
пила — и не перебивала.
Невестой и подругой фронтовой,
всем и ничем за жизнь перебивала...
Поддайся уверениям мотива,
что рядом есть другой какой-то мир,
где все, что ни случится, обратимо,
где все не так,
а в такт,
и все легко...
Подкрась большие губы...
Заспеш...
Пускай возьмет машину твой приятель...

...Что память сердца,
даже боль души —
перед томящей памятью объятий?!

Весь набор тем цикла «Случайный дом» аккумулирован в стихотворении «Бессонница»: слились темы личного счастья, мирского суда, истории, судьбы. Думаем, стихотворение Семенова модифицирует образную систему «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» А. С. Пушкина: тот же ход часов во мраке, то же свойственное бессоннице горестное замедление жизни, та же осязаемость мгновенья. «Укол свечи», «рваная рана тишины» у Семенова в большей степени драматизируют предусмотренный контекстом смысл стихотворения Пушкина: в отличие от него, который хочет понять жизнь, найти в ней смысл, лирический герой Семенова уже знает ответ: равнодушная работа времени затирает его, как ветошку, вплетает в узор людских судеб:

Слежу, не поднимая век,
как ходики заржавленными спицами
мгновенья вязывают в век.

Мгновенье за мгновеньем осязаемо,
плотнее, чем к петле петля.
Со счета не собьет ни храп хозяина,
ни содроганья фитиля.

Ни целый мир — со всеми откровеньями
убожества и красоты.
О равнодушная работа времени,
как по ночам понятна ты!

[3, с. 122]

Семенов отказывается от образа парки, вместо этого, подчеркивая безразличие судьбы к отдельному человеку, заменит очеловеченный ее образ образом механической вязки: «Все, что ни станется со мной, / навеки будет спицами уловлено». И как Пушкин, Семенов ощущает зависимость от рока и невозможность найти опору в окружающем мире.

Однако, каким бы страшным ни было осознание своего во времени сиротства, каким бы жалким ни было житье вне дома, герой благодарен за жизнь. Этот пафос — важнейший, он заявлен в открывающем цикл стихотворении «По отрогам Уральских гор...»:

Низко кланяемся лесам,
Выйдя поутру из ворот.

Но благодарит лирический герой не людей. Это — благодарность природе, простору за то, что Родина такая большая, что есть в ней, где укрыться. В поддержку этому — стихотворения, в центре которых природные образы: реки, туман, луч, дорога. И везде — простор, ожидаемые воля и покой. В данном случае, перефразируя классика, не замена счастью, а счастье и есть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Королева Н.* Наш учитель поэт Глеб Семенов // Горький Медиа. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/5/ko18.html> (дата обращения: 26.06.2019).
- 2 *Кумпан Е. А.* «В полоборота перед веком...» // Семенов Глеб. Стихотворения (Библиотека поэта. Малая серия). СПб.: Академический проект, 2004. С. 5–46.
- 3 *Семенов Глеб.* Стихотворения (Библиотека поэта. Малая серия). СПб.: Академический проект, 2004. 528 с.
- 4 *Тиранин А. М.* Недавно рассекреченные документы блокадного Ленинграда // Artofwar.ru. URL: http://artofwar.ru/t/tiranin_a_m/text_0190.shtml (дата обращения: 20.06.2019).

© 2021. Elena A. Balashova
Kaluga, Russia

**“ENCYCLOPEDIA OF LIFE IN THE SIEGE”
IN POEMS BY GLEB SEMYONOV**

Abstract: The purpose of the paper is to show how Gleb Semyonov managed to update the issues of war poetry: he moves away from the chronicle, yet at the same time his texts allow us to recreate the life of Leningrad residents day by day. The author analyzes the body of war poems by Gleb Semyonov written from 1941 to 1960. The main content of the study constitutes the analysis of the cycle “Memories of the Siege”. The poet dwells on milestones of the life of the city and the life of an unfortunate person, whose moods change quickly from fear and numbness (“Silence”) to emerging animal feelings of a hunger bitten (“Feat”, “Immortality”). The end of his story of the besieged captivity the poet will see not when it is reported on the radio or in the bulletins, but when it will be possible to return to the peaceful, revived life after the siege of Leningrad. Based on the results of the study, the author makes conclusions on the poetical features of this cycle, such as the rejection of timing, intertextuality, plurality of “details” and symbolism. Conducted on the basis of historical-genetic and comparative-historical approaches, the research draws upon conceptions, methods and results of modern poetry, primarily M. Gasparov and his school.

Keywords: the twentieth-century poetry, poetry of the war years, siege, Leningrad, Gleb Semyonov.

Information about author: Elena A. Balashova — DSc in Philology, Professor, Professor of the Literature Chair, K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Voskresenskiy lane, 4, 248000 Kaluga, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2603-4239>. E-mail: balashova_ea@mail.ru

Received: August 26, 2019

Date of publication: March 28, 2021

For citation: Balashova E. A. “Encyclopedia of life in the siege” in poems by Gleb Semyonov. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 59, pp. 227–236. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-227-236>

REFERENCES

- 1 Koroleva N. Nash uchitel' poet Gleb Semenov [Our teacher poet Gleb Semenov]. In: *Gor'kii Media*. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/5/ko18.html> (accessed 26 June 2019). (In Russian)
- 2 Kumpan E. A. “V poloborota pered vekom...” [“In half a turn before the century...”]. In: Semenov Gleb. *Stikhotvoreniia (Biblioteka poeta. Malaia seriia)* [Semenov Gleb. Poems (The poet's library. Small series)]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2004, pp. 5–46. (In Russian)
- 3 Semenov Gleb. *Stikhotvoreniia (Biblioteka poeta. Malaia seriia)* [Poems (The poet's library. Small series)]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 528 p. (In Russian)
- 4 Tiranin A. M. Nedavno rasssekrechennye dokumenty blokadnogo Leningrada [Recently declassified documents of besieged Leningrad]. In: *Artofwar.ru*. Available at: http://artofwar.ru/t/tiranin_a_m/text_0190.shtml (accessed 20 June 2019). (In Russian)